

Всеволод Овчинников

Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах

*Часть сборника
Сакура и дуб (сборник)*

Всеволод Овчинников

**Корни дуба. Впечатления
и размышления об
Англии и англичанах**

«Издательство АСТ»

1979

Овчинников В. В.

Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах
/ В. В. Овчинников — «Издательство АСТ», 1979

ISBN 978-5-17-085048-8

Всеволод Владимирович Овчинников – журналист-международник, писатель, много лет проработавший в Китае, Японии, Англии. С его именем связано новое направление в отечественной журналистике – создание психологического портрета зарубежного общества. Творческое кредо автора: «убедить читателя, что нельзя мерить чужую жизнь на свой аршин, нельзя опираться на привычную систему ценностей и критериев, ибо они отнюдь не универсальны, как и грамматические нормы нашего родного языка». «Ветка сакуры» и «Корни дуба» – были и остаются поистине шедевром отечественной публицистики. Поражающая яркость и образность языка, удивительная глубина проникновения в самобытный мир английской и японской национальной культуры увлекают читателя и служат ключом к пониманию зарубежной действительности. В 1985 году за эти произведения автор был удостоен Государственной премии СССР.

ISBN 978-5-17-085048-8

© Овчинников В. В., 1979

© Издательство АСТ, 1979

Содержание

Умывальник без пробки и ванна без душа	6
Капли на плаще	9
Страна зеленых лугов	15
Взгляд за изгородь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Всеволод Овчинников
Корни дуба. Впечатления и
размышления об Англии и англичанах

© В. В. Овчинников, 2005

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Умывальник без пробки и ванна без душа

Дело было в Лондоне в середине 70-х годов. Мы обедали в английской семье, которая собиралась в двухнедельную поездку по Советскому Союзу. Разговор шел о Москве, Ленинграде, Сочи, о том, что лучше всего посмотреть в этих городах за считанные дни. После пудинга, как водится, подали сыр, а потом пригласили гостей пить кофе к камину.

Улучив минуту, хозяин отвел меня в сторону и сказал, что хотел бы доверительно поговорить на одну щекотливую тему. Может ли он рассчитывать, что я, во-первых, правильно пойму мотивы его вопроса, а во-вторых, отвечу на него вполне искренне? Я, разумеется, кивнул, хотя и не представлял, что может последовать за подобным предисловием.

– Видите ли, – продолжал хозяин после нерешительной паузы, – мы с женой едем в СССР впервые. И все, кто там бывал, советуют нам непременно захватить с собой пробку для умывальника. Говорят, что в гостиницах у вас тепло, даже есть горячая вода. Но вот раковину затыкать нечем – так что ни умыться, ни побриться. Какого же диаметра везти пробку? Одинакова ли она в разных городах? И не подумайте, что нас пугают какие-то мелкие неудобства. Дело не в них, и каждый друг Советского Союза понимает, что всего сразу не напасешься: революция, война... Но почему пробок для ванн давно хватает, а с пробками для раковин дело так затянулось?

Умывальник без пробки. Сколько раз вопросами о нем меня ядовито донимали недоброжелатели, сколько раз недоуменно спрашивали о нем наши друзья! Сколько раз при публичных выступлениях и в частных беседах мне доводилось объяснять, что привычка умываться под струей воды – это не суровое наследие революций, войн, а национальный обычай, сложившийся с незапамятных времен, что еще задолго до появления водопровода у нас было принято поливать на руки из ковшика или набирать воду в ладони из рукомойника. Именно поэтому, добавлял я, россиянин так же сетует в Англии на ванну без душа, как английский турист у нас – на умывальник без пробки. Остановившись в английской гостинице, всякий раз недоумевал: во-первых, как раздеваться при таком холоде, во-вторых, как сполоснуть ванну, если нет ни таза, ни гибкого шланга, и, в-третьих, как сполоснуться самому, если нет ни душа, ни смесителя – только краны с холодной и горячей водой.

Ночуя в английских семьях, убеждаешься, что это общее явление. В квартире, которую снял в Лондоне еще предшественник моего предшественника, домовладелец лишь после многолетних просьб установил в ванне душ с гибким шлангом. Однако умывальник по традиции не имеет смесителя, так что воду из двух кранов можно смешивать только в закупоренной пробкой раковине. А поскольку плескаться в умывальнике, как это делают англичане даже в гостиницах, поездах и общественных туалетах, я так и не полюбил, мне приходилось после бритья споласкивать лицо теплой водой из кружки. В отличие от нас англичане никогда не умываются под струей. Не имеют они обыкновения и окатываться водой после ванны, а прямо в мыльной пене начинают вытираться. Но еще труднее, пожалуй, свыкнуться с тем, что этот обычай распространяется и на мытье посуды.

Помнится, я был впервые поражен этим на дне рождения у одной лондонки. Когда гости встали из-за стола, хозяин объявил, что по случаю юбилея жены он сам соберет тарелки и бокалы. Мужчины из солидарности отправились за ним на кухню. По рукам пошел графин портвейна, начались анекдоты. Хозяин тем временем наполнил мойку, добавил в воду жидкого мыла, а потом принялся просто окунать туда тарелки, проводить по ним щеткой и тут же ставить их на сетку. Тогда я, грешным делом, подумал, что он, будучи навеселе, просто забыл ополоснуть посуду под краном, прежде чем высушить и протереть ее. Однако впоследствии убедился, что это было не случайное исключение, а общее правило. Именно так – и только так – моют бокалы и кружки, тарелки и вилки во всех английских пабах и ресторанах.

Умывальник без пробки и ванна без душа – лишь один из множества подобных примеров. Все они иллюстрируют непреложную истину: сталкиваясь за рубежом с чем-то необычным и непривычным, люди порой превратно судят о нем из-за инстинктивной склонности мерить все на свой аршин. Мораль сказанного выше, пожалуй, исчерпывающе выражена в известном четверостишии:

Лошадь сказала, увидев верблюда:
«Какая нелепая лошадь-ублюдок!»
Верблюд подумал: «Лошадь разве ты?
Ты же просто верблюд недоразвитый».

Чтобы познать чужую страну, нужно отказаться от привычки мерить все на свой аршин. Следует разобраться в системе представлений, мерок и норм, присущих данному народу. Эту мысль я уже высказывал, прежде чем делиться своими впечатлениями и размышлениями о японцах. И ее же хочется вновь повторить, приступая к рассказу об англичанах.

Национальный характер повсюду живуч. Но ни к какому народу это не относится в большей степени, чем к англичанам, которые, судя по всему, имеют нечто вроде патента на живучесть своей натуры. Такова первая и наиболее очевидная черта англичан. Стабильность и постоянство их характера. Они меньше других подвержены веяниям времени, преходящим модам. Если авторы, пишущие об англичанах, во многом повторяют друг друга, объясняется это прежде всего неизменностью основ английского характера. Важно, однако, подчеркнуть, что при своей стабильности характер этот составлен из весьма противоречивых, даже парадоксальных черт, одни из которых весьма очевидны, другие же – трудноуловимы; так что каждое обобщение, касающееся англичан, тут же может быть оспорено.

Материалистичный народ – кто усомнится в этом? – англичане дали миру щедрую долю мистиков, поэтов, идеалистов. Народ колонистов, они проявляют пылкую приверженность к собственной стране, к своему дому.

Неутомимые мореплаватели и землепроходцы, они одновременно страстные садоводы. Их любознательность позволила им познакомиться с лучшим из того, чем обладают другие страны, и все-таки они остались верны своей собственной. Восхищаясь французской кухней, англичанин не станет имитировать ее у себя дома. На редкость законопослушный народ, они обожают читать о преступлениях и насилиях. Являя собой воплощение конформизма, они в то же время заядлые индивидуалисты, и среди них полно эксцентриков.

Все это парадоксы, к которым, пожалуй, следует добавить еще один: при всей своей парадоксальности английский характер редко бывает загадочным и непредсказуемым. Его главные черты достаточно ясны, они проходят сквозь все классы общества и почти не поддаются воздействию времени.

Генри Стил Коммаджер (США). Британия глазами американцев. 1974

Я не пытаюсь утверждать, будто англичане никогда не менялись. Перемены происходят всегда. Но эти различия, столь заметные внешне, не проникают вглубь, до корней. К лучшему или к худшему, исконные черты английской натуры по-прежнему остаются неким общим знаменателем,

оказывают глубокое влияние на национальный характер и общий стиль жизни.

Джон Б. Пристли (Англия). Англичане. 1973

Национальный характер во многом аналогичен языку. Грамматика и словарный запас являются общими для всех. Интонация, подбор слов, построение фраз у каждого человека в какой-то степени свои. Говоря о национальном характере, мы говорим о попытке выделить нечто подобное грамматическим правилам в области психологии, то есть общие побуждения, мерки представления. Национальный характер так же мало говорит о чертах отдельного человека, как грамматика – о личном стиле речи или письма.

Джеффри Горер (Англия). Исследуя английский характер. 1955

Ничего, казалось бы, не скрывает о себе Англия.

Ни в каких, казалось бы, выражениях не стесняется она, открывая свое лицо. И никто так не умеет смеяться над ней, как она сама над собой...

Но что, собственно, знаем мы глубоко об Англии, как представляем себе ее лицо, казалось бы, совершенно открытое чужому взгляду?

Мне думается, нет маски более загадочной, чем это открытое лицо. И нет более интересной задачи сейчас для журналиста-международника, нежели разгадать эту загадку Англии, разгадать так, чтобы можно было представить себе ее будущее, вернее, представить себе желательность того будущего, которое было бы не только наилучшим для нее, но и органичайшим, отвечающим ее самым глубоким национальным корням...

Мариэтта Шагинян (СССР). Зарубежные письма. 1971

Капли на плаще

С чего начинаешь, впервые попав в чужую, незнакомую страну? Как губка, впитываешь впечатления, жадно ловишь звучащую вокруг речь. Пытаешься разговаривать со случайными встречаемыми: с попутчиком в автобусе, с соседом на садовой скамейке. Словом, окропляешь животворной влагой личных впечатлений сухие зерна заочных знаний о стране. Все это довелось изведать уже не раз. И до приезда в Лондон я был убежден, что процесс вживания пойдет в Англии быстрее, чем в Японии. Все-таки там, думалось мне, передо мной был куда более трудно постижимый мир, а уж насчет языкового барьера и вовсе не может быть сравнения.

И вот первая неожиданность, первое открытие: к английской жизни, оказывается, подступиться не легче, чем к японской, а может быть, и труднее. Это непросто объяснить словами: вроде бы постоянно находишься среди англичан, а непосредственного контакта с ними почти не имеешь. Кажется, будто вместо человеческих лиц к тебе повернуты спины. Как всякий новичок, спешаешь погрузиться в английскую жизнь. Но, оказывается, это не так-то просто. Впечатление такое, словно на тебя надели скафандр, из-за которого, как глубоко ни опустишься, все равно остаешься для окружающих инородным телом. Это как бы погружение без соприкосновения.

Волей-неволей убеждаешься, что в английскую жизнь нельзя разом окунуться с головой. Ею можно лишь постепенно пропитываться, капля за каплей, как намокает плащ путника под неторопливо морозящим английским дождем. Прежде всего понимаешь, что с англичанами не только невозможно разговаривать на улице, но и трудно прислушиваться к их разговорам со стороны. Даже в густой человеческой толпе – на перроне вокзала или в театральном фойе – чувствуешь себя будто отделенным от этого скопления людей незримой звуконепроницаемой стеной.

Над английской толпой всегда как бы приспущена завеса молчания. Она приспущена не до конца, не настолько, чтобы превратить массовую сцену в кадр из немого кинофильма. И все-таки не можешь отделаться от ощущения, что какой-то невидимый звукооператор убавил регулятор громкости до каких-то минимальных и непривычных нам пределов. Эта приспущенная над английской толпой завеса молчания (или, на худой конец, полумолчания) особенно поражает потому, что люди вокруг отнюдь не молчат, а разговаривают друг с другом. Да, да! Дело не в том, что англичане немногословны (хотя это присуще им куда больше, чем другим народам). Дело в том, что эти островитяне разговаривают каким-то особым голосом: приглушенным, почти усталым. Они беседуют так, словно каждый из них в одиночестве выражает вслух собственные мысли. Мы, по-видимому, так привыкли без нужды повышать голос, что перестали замечать это. Когда, привыкнув к полубезмолвию английской толпы, вновь попадаешь на континент, например во Францию или к себе домой, ловишь себя на мысли, что человеческая речь режет ухо; люди кажутся излишне шумливыми.

Но вернемся к нелегкому процессу вживания. Торопишься слиться с уличной жизнью и вскоре задаешься вопросом: а существует ли она? Мало-помалу убеждаешься, что английская улица не живет сама по себе. Это лишь поток безучастных друг к другу людей, каждый из которых спешит на работу или торопится попасть домой. Английская улица не предназначена быть местом встреч, споров, свиданий или прогулок. Она не служит для того, чтобы развлечься, побродить без цели, побеседовать с приятелем, поглазеть по сторонам. Люди, которые собираются группами на тротуаре или празднично слоняются туда-сюда, мешая потоку пешеходов, привлекают неодобрительные взгляды.

Англичанин молчаливо шагает по своим делам, словно не замечая уличной толпы, не являясь ее частью. Никогда не увидишь, чтобы он обернулся, проводил кого-то взглядом. Отчасти потому, что незнакомцы не существуют для него, отчасти потому, что это было бы недопу-

стимым вторжением в чужую частную жизнь. Считается, что улицы существуют не для человеческого общения, а для того, чтобы без помех добраться из одного места в другое. Поэтому попытка вступить в разговор с незнакомым человеком на улице, на взгляд англичанина, столь же неуместна и даже антиобщественна, как попытка завязать флирт с водительницей соседней автомашины на перекрестке перед светофором.

Английская улица – это лишь русло, по которому протекает жизнь, ибо англичанин живет дома, а не на людях. Причем даже на людях он умудряется охранять собственное одиночество и сохранять одиночество других. Если четыре англичанина входят в пустой вагон, они инстинктивно рассядутся по разным купе. И каждый новый пассажир непременно обойдет весь вагон, прежде чем решится подсесть к кому-либо из них.

Находясь на людях, англичанин способен мысленно изолировать себя от окружающих. Сотни незнакомых людей ежедневно обедают вместе в одних и тех же закусочных. Но даже если соседи по столику знают друг друга в лицо, отчужденность сохраняется. И когда один из них просит другого передать ему соль или горчицу, голос его столь же безукоризненно вежлив, сколь холодно безразличен. Соседство с незнакомым человеком не стесняет англичанина. Но уже самым тоном обращения к нему он как бы отстаивает свое право на одиночество среди других людей.

Куда ни кинь, а Британия – это царство частной жизни, что заведомо ставит приезжего в невыгодное положение: он чаще видит перед собой ограду, чем сад, который она обрамляет. Впрочем, в этой изгороди, скрывающей от посторонних взоров частную жизнь загадочных островитян, есть, пожалуй, две отдушины, позволяющие наблюдать их как бы на воле, будто львов в вольерах Виндзорского зоопарка. Первая из этих отдушин – английский парк. Вторая – английская пивная, или паб.

Да, английские парки – это не только заповедники сельской природы внутри города. В парке англичанин становится иным. Его отчужденность разом сменяется непринужденностью. Здесь не только можно, но и нужно освободиться от пут подобающего поведения, снять с себя бремя забот, дать волю своим порывам. В английском парке человека ничто не стесняет. Он может резвиться, как ребенок, или мечтать, сидя под развесистым дубом. Он может бродить по лужайкам, валяться на траве или играть в мяч.

Что же касается английского паба, то для людей, которые волей-неволей обрекли себя на одиночество, возведя в культ понятие частной жизни, эти питейные заведения призваны, по моему, играть ту же роль, что отведена острому вустерскому соусу среди пресного однообразия английской пищи.

Английский паб представляется мне неким антиподом французского кафе. Идеал парижанина – сидеть за столиком на тротуаре перед потоком незнакомых лиц. Идеал лондонца – укрыться от забот, чувствуя себя в окружении знакомых спин. Разумеется, паб служит и для общения. Но прежде всего он способен дать каждому посетителю радость уединения в той мере, в какой он сам того пожелает.

Англичанин ценит паб прежде всего как место встречи соседей; далее – по важности – как место отдыха коллег и лишь затем как приют для незнакомца. Для новичка же эти три функции обычно раскрываются в обратном порядке. Прежде всего постигаешь, что паб незаменим как оазис, дающий приют путнику в пустыне городских улиц. Как выручает он, когда хочется дать отдых ногам после осмотра лондонских достопримечательностей – Вестминстерского аббатства и залов парламента, Национальной галереи и Британского музея! Как выручает паб в чужом городе, когда на улице дождь, а до поезда еще полтора часа или когда удалось быстрее обычного отыскать место для автомашины и надо скоротать время до начала приема или спектакля! Как выручает паб, когда требуется наскоро перекусить или назначить место встречи или, наконец, когда (прошу прощения!) не знаешь, где находится ближайшая общественная уборная. Не дай бог только, чтобы подобная потребность возникла после трех часов

дня и до шести вечера, когда пабы закрываются (даже в разгар лета, когда весь Лондон умирает от жажды, а иностранные туристы тщетно мечтают о глотке пива и на чем свет клянут английские обычаи).

Впрочем, всякая странность английского образа жизни обычно таит в себе некий компромисс, в данном случае между двумя национальными пристрастиями: к пиву и к чаю; подобно тому, как правило открывать питейные заведения по воскресеньям на час позже обычного воплощает компромисс – или, точнее, формулу мирного сосуществования – между пабом и церковью.

Многие из загородных пабов с незапамятных времен соседствуют с божьими храмами, к общему удовольствию их содержателей и благочестивых прихожан. Кстати сказать, именно эти загородные пабы с их пылающими каминами, дубовыми стропилами под потолком и старинной медной утварью в наибольшей степени хранят уют старой английской таверны, воспетой Сэмюэлем Джонсоном. По достоинству оценить их очарование редко удастся мимолетному туристу. Ведь для этого нужно не только время, чтобы их разыскать, но и знакомство с кем-то из местных жителей, кто ввел бы своего гостя в круг завсегдатаев.

Только тогда можно осознать незаменимую роль паба как универсального центра общественных связей, как места, где можно получить дельный совет насчет ремонта крыши или прививки яблонь, по случаю приобрести подстреленных на охоте зайцев или удачно сбыть поддержанную автомашину.

Возможности да и потребности заставляют иностранного журналиста раньше познакомиться с той категорией пабов, где посетителей объединяет не место жительства, а место работы. Как заманчиво, например, посетить после полудня один из пабов Сити, где можно вблизи наблюдать загадочных обитателей крупнейшего финансового центра. (Бываешь лишь чуть разочарован, что немногие из них носят традиционные котелки, точно так же как мои московские гости в Токио сокрушались, что не все японки на улицах одеты в кимоно.)

На вечерней Шафтсбери-авеню после спектакля «Иисус Христос – суперзвезда» можно оказаться в пабе, где Мария Магдалина пьет джин с тоником, а Иуда заказывает себе вторую пинту темнейшего ирландского «Гиннеса». Однако, попав в чужую компанию людей с общими профессиональными интересами, удивляешься тому, что это почти не проявляется в разговорах. Наоборот, создается впечатление, что собеседники умышленно предпочитают не касаться всего того, что имеет отношение к главному делу их жизни, что составляет круг их повседневных забот. Даже о политике в пабах спорят меньше, чем в любом питейном заведении на континенте.

В пабе, где собираются актеры, познакомишься с двумя драматургами. Думаешь: вот счастливый шанс войти в курс театральной жизни! А собеседники весь вечер толкуют о новой системе обогрева теплиц для цветочной рассады или о том, как выступает нынче в Индии английская сборная по крикету. Менее всего вероятно, чтобы кто-нибудь из них упомянул о недавней премьере нашумевшей пьесы – о чем как раз и хотелось бы узнать их мнение.

И это не досадная случайность, а роковая для иностранца местная особенность, которая изрядно досаждала ему и на последующем этапе тернистого пути к познанию страны – когда он наконец обретает долгожданную возможность переступить порог английского дома.

Уже отмечалось, что с англичанами, во-первых, трудно разговориться на улице, что их жизнь, во-вторых, наглухо скрыта от посторонних взоров тем, что они именуют «мой дом – моя крепость». Обзаведясь наконец первыми знакомствами и вписавшись в ритуальную схему взаимных представлений и приглашений, без которых личные контакты тут вообще невозможны, с горечью убеждаешься, что есть еще и «в-третьих». Даже разговор со знакомым англичанином, который представлялся таким желанным и недоступным, на поверку дает гораздо меньше, чем от него ждешь.

Начать с того, что, попав в гости в английский дом, обычно остаешься в неведении: с кем, кроме хозяев, свела тебя судьба под одной крышей? Тут не принят обмен визитными карточками, неприменный у японцев, стремящихся получить при встрече максимальный набор сведений друг о друге. Тем более чужд здесь американский обычай прикалывать приглашенным на грудь именные таблички.

Знакомя гостей, хозяева обычно представляют их друг другу просто по именам: «Это – Питер, это – Пол, а это – его жена Мэри». Если и добавляется какая-то характеристика, то чаще всего шуточного характера: «Вот наш сосед Джон, принципиальный противник мытья автомашины» или «Позвольте представить вам сэра Чарльза, который не живет в Лондоне, так как его ирландский терьер предпочитает свежий воздух». Тут сама собой завязывается длительная беседа о последней собачьей выставке, о родословной призера, о новом виде консервированного корма для щенков, который недавно начали рекламировать по телевидению. И, может быть, уловив, что чужеземца не так уж волнует собачья жизнь, сэр Чарльз из вежливости осведомляется, сохранилась ли еще в России псовая охота на зайцев и лисиц.

Лишь недели три спустя, упомянув при новой встрече с хозяином, что «давешний седой собаковод на удивление хорошо знает Тургенева», с досадой узнаешь, что сэр Чарльз – известный писатель, побеседовать с которым о литературе было бы редкой удачей, ибо он почти не бывает в Лондоне.

– Что же вы не сказали мне об этом раньше! – упрекаешь своих знакомых.

Но даже когда в другой раз тебе шепнут пару слов о собеседнике, результат бывает тот же самый. Директор банка в Сити уклонится от расспросов об экспорте капитала и заведет речь о коллекции старинных барометров или об уходе за розами зимой. А телевизионный комментатор по проблемам рабочего движения проявит жгучий интерес к методам тренировки советских гимнастов. Несколько упрощая, можно сказать, что англичанин будет, скорее всего, разговаривать в гостях о своих увлечениях, искать точки соприкосновения со своим собеседником именно в подобной области и почти никогда не станет касаться того, что является главным делом его жизни, особенно если он на этом поприще чего-то достиг. Так что при знакомстве нечего рассчитывать на серьезную беседу о том, что тебя в этом человеке больше всего интересует, услышать о вещах, которые прежде всего хотелось бы выяснить.

Англичанин придерживается правила «не быть личным», то есть не выставлять себя в разговоре, не вести речи о себе самом, о своих делах, профессии. Более того, считается дурным тоном неумеренно проявлять собственную эрудицию и вообще безапелляционно утверждать что бы то ни было (если одни убеждены, что дважды два – четыре, то у других на сей счет может быть иное мнение).

На гостя, который страстно отстаивает свою точку зрения за обеденным столом, в лучшем случае посмотрят как на чудака-эксцентрика, а в худшем – как на человека, плохо воспитанного. В Англии возведена в культ легкая беседа, способствующая приятному расслаблению ума, а отнюдь не глубокомысленный диалог и тем более не столкновение противоположных взглядов. Так что расчеты блеснуть знаниями и юмором в словесном поединке и завладеть общим вниманием не сулят лавров. Каскады красноречия разбиваются об утес излюбленной английской фразы: «Вряд ли это может служить подходящей темой для разговора».

Остается лишь нервно звякать льдинками в бокале джина с тоником (завидуя тем, кто может солидно набивать или выколачивать трубку) и размышлять: как же все-таки проложить путь к сердцам собеседников сквозь льды глубокомысленного молчания и туманы легкомысленного обмена ритуальными, ни к чему не обязывающими фразами? Почему же все-таки так мучительно труден процесс вживания в эту страну? Ведь здесь не ощущаешь, как на Востоке, труднопреодолимого языкового барьера. И дело не только в том, что выучить английский куда легче, чем китайский или японский. Каждый проявляет тут поразительное терпение, сталки-

ваясь с неуклюжими попытками иностранца говорить по-английски. Никто никогда не улыбнется, не проявит раздражения, пока ты с трудом подыскиваешь нужное слово.

Видимо, считая себя вправе не говорить ни на одном языке, кроме своего собственного, англичанин честно признает за иностранцем право говорить по-английски плохо (хотя в отличие от японца он никогда не сочтет долгом отметить, что ты владеешь его языком хорошо). Словом, нет нужды опасаться ошибок или извиняться за плохое произношение. Вопрос о том, как ты говоришь по-английски, попросту не бывает темой обсуждения. Но, с другой стороны, англичанин никогда не станет упрощать свою речь, как это порой инстинктивно делаем мы, объясняясь с иноязычным собеседником. Он не представляет себе, что его родной язык может быть не понятен кому-то.

Отсюда следует отнюдь не утешительный вывод: в стране, где языковой барьер не служит помехой, не сможет стать подспорьем и языковой мост. В Китае или Японии порой достаточно было прочесть иероглифическую надпись на картине, процитировать к месту или не к месту какого-нибудь древнего поэта или философа, чтобы разом расположить к себе собеседников, вызвать у них интерес к «необычному иностранцу», словом, навести мосты для знакомства. Разве способен сулить подобные дивиденды английский язык?

Англичане не то чтобы чураются иностранцев, но и не проявляют к ним особого интереса. Они относятся к чужеземцам несколько снисходительно, словно к детям в обществе взрослых.

Вряд ли можно сказать, что быть иностранцем в Лондоне – значит обладать какими-то преимуществами. Скорее наоборот. Его приглашают домой, присматриваются к его необычному поведению, прислушиваются к его прямолинейным высказываниям. Но если заморский гость проявит себя в чем-то как личность явно незаурядная, окружающие отнесутся к его талантам и достоинствам с изумленным любопытством.

Чем глубже вживаешься в английскую действительность, тем труднее становится дать односложный ответ на простой вопрос: дружелюбны ли в целом англичане по отношению к иностранцам? С одной стороны, постоянно убеждаешься, что способность не замечать, игнорировать незнакомых людей вовсе не означает, что англичане черствы, безразличны к окружающим. Отнюдь нет! При всей своей замкнутости и отчужденности они на редкость участливы, особенно к существам беспомощным, будь то потерявшие хозяев собаки или заблудившиеся иностранцы. Можно остановить на улице любого лондонца и быть наперед уверенным, что он, не считаясь со временем, окажет любое возможное содействие.

Если в незнакомом поселке у тебя сломалась машина, тут же найдутся люди, готовые съездить за механиком в ближайшую автомастерскую. Если ребенок в дождливый день не может попасть домой из-за того, что потерял ключи, незнакомые соседи тут же уведут его к себе, согреют, напоят чаем. Но с другой стороны, вновь и вновь с сожалением отмечаешь и другое – что всякая подобная услуга (полученная или оказанная) отнюдь не разбивает лед отчужденности, не служит мостом к более близкому знакомству. Соседи, к которым ты преисполнишься благодарности, подчеркнуто держатся так, словно никакого сдвига в отношениях с ними не произошло.

Повествуя о других народах, путешественники любят начинать с фразы: «Что меня больше всего поразило в них с первого взгляда, так это...» Для рассказа об англичанах такая строчка, пожалуй, меньше всего подходит, ибо их самой типичной чертой является как раз отсутствие чего-либо характерного, броского, нарочитого. Можно довольно долго жить в Британии с тем же багажом представлений об этой стране, с каким в нее приехал.

Здесь улица – самое скучное место, тут вы не увидите тысяч захватывающих зрелищ и не столкнетесь с тысячами приключений. Это не то место, где люди свистят или дерутся, любезничают, отдыхают, сочиняют стихи или философствуют, где заводят интрижки на стороне и

пользуются жизнью, остряют, занимаются политикой и собираются по двое, по трое, в группы, в толпы, в революционную грозу. У нас, в Италии, во Франции, улица – нечто вроде большого трактира или общественного сада, площадь, место сборищ, стадион и театр, продолжение дома или завалинки. Здесь она не принадлежит никому и никого не сближает; вы не встречаете здесь ни людей, ни вещей, вы только проходите мимо них.

Карел Чапек (Чехословакия). Письма из Англии. 1924

На этом острове не считается грубым хранить молчание; наоборот, грубым считается слишком много говорить, то есть силой навязывать себя другим. В Англии никогда не нужно бояться молчать. Можно ничего не говорить годами, не опасаясь сойти за слабоумного. Зато если вы говорите слишком много, у шокированных этим англичан тут же появляется основание не доверять вам. И если они не разговаривают с вами, то не от злой воли или от дурных манер, а из боязни втянуть вас в беседу, которая может вас не интересовать.

Паоло Тревес (Италия). Англия – таинственный остров. 1948

Они не любят раскрывать свое положение. Я встречал выдающихся людей, но, не зная наперед, кто они, никогда не догадался бы, что они вообще чего-то достигли. Если это писатели, они не говорят о своих книгах. Если они политики, они не раскрывают своих программ. Проще говоря, они как бы считают свою трудовую жизнь чем-то отделенным от своей жизни в обществе.

Нирад Чаудхури (Индия). Путь в Англию. 1959

Вы не должны здесь спешить. Вы находитесь в стране терпения, настойчивости, неторопливой последовательности в мыслях; в стране, которая чтит не кучевые облака абстрактной теории, а маленькие твердые камешки повседневного опыта, вы должны оставаться спокойным, молчаливым, терпеливым.

Вы должны приспособиться к ритму Англии – ее климату, морю, зеленой траве, ее общественной жизни, старым университетам, теннису, гольфу, портам, заводам, встречам и беседам с людьми – и вы должны позволить всему этому стать ритмом вашего сердца.

Никос Казандзакис (Греция), Англия. 1965

Страна зеленых лугов

Англия встает из морских волн, как подернутая загадочной дымкой бело-зеленая линия на горизонте. Такой она представала взорам завоевателей. Именно эти меловые обрывы побуждали легионеров Юлия Цезаря дать острову имя Альбион, то есть Белый. Но даже пришедших с юга римлян поразила щедрость растительного покрова, способность английской трава круглый год сохранять изумрудную свежесть. Даже они, пришельцы из солнечного Средиземноморья, назвали Англию страной зеленых лугов.

Сочетание ухоженности и безлюдья, умеренности и покоя – вот чем впечатляет Англия, когда впервые воочию знакомишься с ней. Не краски, а оттенки составляют портрет этой страны. Такую приглушенную гамму полутонов лучше всего передает акварель. И, видимо, не случайно именно она заняла столь высокое место в английском искусстве.

Пологие склоны холмов, расчерченные живыми изгородями; одинокие вековые дубы на сочных лугах; привольно пасущиеся стада овец; шпили сельских церквей на пригорках; опрятные домики, белеющие среди зелени рощ.

Есть много стран, способных похвастать более величественными панорамами, более яркими красками, более определенным настроением всего ландшафта: крутизна и сверканье альпийских вершин, угрюмое величие скандинавских фиордов, солнечная щедрость Средиземноморья...

Природа Англии помогает понять такую черту английского характера, как сдержанность, склонность к недосказанности. В ней нет ничего нарочито броского, грандиозного, захватывающего дух. Не патетическая страстность, а затаенный лиризм – вот тональность английского пейзажа, которая чем-то роднит его с природой средней полосы России. И не случайно Констебл так же почитаем англичанами, как у нас Левитан. Отсутствие резких контрастов, то есть опять-таки умеренность, – вот ключевая характеристика не только английского ландшафта, но и английского климата.

Английская погода неустойчива. Она меняется часто, но незначительно. Такой климат способствует уравновешенности, даже флегматичности характера: стоит ли сетовать на перемены, если они, во-первых, недолговечны, а во-вторых, не сулят больших отклонений от того, что было до них...

– Климат-то у нас неплохой, вот если бы только погода была получше, – шутят англичане. Нужно прожить в Лондоне хотя бы год, чтобы до конца осознать смысл этих слов.

Незадолго до приезда в Англию я смотрел в Москве телевизионный фильм «Чисто английское убийство». Действие этого детектива происходило на Рождество в загородном доме, утопавшем в снежных сугробах. Случилось так, что день моего прилета в Лондон пришелся как раз на Рождество.

Никакого снега в английской столице не было и в помине. Вместо него на зеленых лужайках Гайд-парка кое-где белели россыпи ромашек.

– Январь у вас тут, будто апрель или октябрь, – подивился я в разговоре с домовладельцем.

– Да, действительно, погода в январе бывает очень похожа на апрельскую или октябрьскую, – охотно согласился лондонский старожил.

Лишь впоследствии я понял, что слова мои были восприняты не только как точка зрения москвича. Оказывается, погода в Англии как бы не зависит от календаря, от времени года.

Если мое первое лондонское Рождество оказалось по-весеннему солнечным и теплым, то разгар календарной весны ознаменовался «белой Пасхой». Хотя на дворе был апрель, все вокруг засыпало снегом. Зеленый газон под окном был застлан белым ковром, из которого торчали желтые нарциссы, припудренные снегом. Даже поздней осенью, в конце ноября, в Лон-

доне может выдаться совершенно летний день, когда на шезлонгах парка Сент-Джеймс люди умудряются загорать. А бывает, что и в середине лета найдет такое ненастье со свинцовыми облаками, пронизывающим ветром и обложным дождем, что, несмотря на июль, в квартире волей-неволей приходится включать отопление.

Небо над Англией редко бывает безоблачным. Эти напоенные влагой Атлантики быстро бегущие облака создают переменчивое, своеобразное освещение. Английский пейзаж всегда подернут голубовато-серой дымкой, которая, словно ретушь, приглушает краски и придает расплывчатость очертаниям. Можно сказать, что такая туманная мгла имеет свою параллель и в английском мышлении. Избегая предельной четкости и категоричности, оно предпочитает сохранять некий допуск на неточность, простор для домысливания, возможность компромисса.

Зрительный образ Англии – страны зеленых лугов – впечатляет прежде всего сочетанием ухоженности и безлюдья. Как трудно увязать это с заочным представлением об одном из самых густонаселенных государств, о родине промышленной революции, которая слыла мастерской мира! Сельский ландшафт Англии с его живыми изгородями на плавных изгибах холмов, хорошо ухоженными лугами и рощами, с извилистыми, как встарь, но одетыми в асфальт и бетон проселочными дорогами – это ландшафт цивилизованный, созданный руками человека. Тем не менее он в очень незначительной степени служит практическим нуждам. Здесь редко увидишь пахаря за плугом, тем более человека, который, согнув спину, копался бы в земле.

Сельский ландшафт Англии можно назвать бесполезным, если употребить это слово в том смысле, который имел в виду Оскар Уайльд, возводя бесполезность в один из критериев искусства. В узкоутилитарном смысле от этих расчерченных изгородями лугов и заботливо сохраненных рощ не больше проку, чем от заповедного лесопарка.

Став родиной промышленной революции, центром крупнейшей колониальной империи, некогда сельскохозяйственная страна избавилась от необходимости производить хлеб насущный. Она могла позволить себе стать красивой, и действительно стала таковой. Загородная Англия, по существу, стала тем, что мы привыкли называть английским парком, то есть заповедником не первозданной, а в меру облагороженной человеком природы. Она предназначена «для услаждения взора». И в этом, увы, то и дело убеждаешься, натываясь в самых живописных местах на лаконичные таблички: «Частное владение». Здесь не пишут: «Посторонним вход строго воспрещен». Не грозят штрафом. Всего два слова – и тенистая дубовая роща или спускающийся к реке луг разом становятся недостижимыми, как мираж в пустыне.

Статистика свидетельствует, что население Великобритании в своем большинстве является городским, а не сельским, промышленным, а не сельскохозяйственным. И тем не менее основополагающие черты английской жизни донны коренятся не в городе, а на селе. Англичанин не стремится жить в Лондоне, как француз мечтает жить в Париже. В душе он так и не сделался горожанином, хотя его тягу к земле отнюдь не назовешь крестьянской. Предел мечтаний для него состоит не в том, чтобы быть земледельцем, а в том, чтобы стать землевладельцем. Именно владение землей издавна служило тут вершиной человеческих амбиций, мерилом социального положения. Чем состоятельнее человек, тем настойчивее стремится он иметь загородный дом. Уютные сельские поместья и леденящие душу городские окраины образуют контраст, не имеющий себе равных за Ла-Маншем.

Сельская Англия с ее усадьбами и парками, лугами и охотничьими угодьями несет в своем облике несомненную печать быта и нравов старой земельной аристократии. В течение многих веков она была единственным правящим классом в стране. Однако в отличие, скажем, от французской аристократии никогда не тяготела к жизни в столице.

Нетрудно проследить, что наиболее традиционные, так сказать классические, виды спорта – верховая езда, гольф, теннис, крикет – родились в Англии как развлечения обитателей загородных поместий. Это, в сущности, форма досуга для людей, которые любят находиться

на воздухе, но в условиях английского климата должны постоянно двигаться, чтобы получать от этого удовольствие. Городская жизнь не стала в Англии центром притяжения для правящей элиты по ряду исторических причин. Из-за раннего объединения страны английские провинциальные города не обрели той роли, которую играли на континенте Любек и Авиньон, Веймар и Флоренция... Они не стали центрами политической, культурной или хотя бы светской жизни.

С другой стороны, стремительно разбогатевшая буржуазия, выдвинутая на авансцену промышленной революцией, отнюдь не помышляла о том, чтобы сделать новые индустриальные города средоточием национальной жизни. У фабрикантов и заводчиков, определявших лицо Манчестера и Ливерпуля, Бирмингема и Шеффилда, не было охоты сочетать погоню за прибылью с какими-то иными соображениями. Отсюда унылое, удручающее однообразие, или, точнее сказать, безобразие, рабочих окраин и горняцких поселков: эти бесконечные и безрадостные шеренги жалких жилищ, прижатых друг к другу, словно доски забора; эта подавляющая душу безысходность прокопченных кирпичных стен.

Воротилы промышленной революции спешили перебраться куда-нибудь за город, подальше от «черных сатанинских мельниц» (мельницами англичане поначалу называли любые цехи, где использовался механический привод), едва лишь чувствовали, что урвали достаточно денег для этого. Образ жизни старой земельной аристократии остался в Англии непререкаемым идеалом. Промышленная и коммерческая элита не создала, да и не пыталась создавать, собственных традиций. Новые города не влекли к себе ни тех, по чьей воле они родились, ни обитателей загородных поместий.

Британия заплатила дорогую цену за то, что именно она явилась родиной промышленной революции. Где еще увидишь более разительный контраст между красотой облагороженного трудом многих поколений сельского ландшафта и вопиющей безобразностью, удручающей безысходностью пролетарских предместий!

Возвращаясь к зрительному образу Англии, который складывается из первых впечатлений, хочется повторить, что это все-таки прежде всего страна зеленых лугов, а не край «черных сатанинских мельниц»; страна более красивая – более облагороженная и в целом менее обезображенная человеком, – чем ожидаешь ее увидеть.

Сельская, или, точнее сказать, загородная, Англия помогает понять суть национальной психологии, подхода к жизни, к природе, к соотношению естественного и искусственного. Англичанам, как и японцам не свойственно совершать насилие над природой, подчинять ее воле человека, навязывать ей геометрическую правильность форм. Они стремятся сохранить в облике природы естественные черты, но до такой степени, чтобы она при этом была удобна для обитания. В Англии редко попадешь в непроходимую лесную чащобу. Но, пожалуй, реже, чем в других странах, видишь здесь и аллеи, где деревья росли бы строго в шеренгу, да еще были подстрижены на один манер. Здесь более типичны рощи, перелески, отдельные деревья, разбросанные среди лугов. Потому что чаща – это нечто уж слишком первозданное, а аллея – нечто уж чересчур искусственное. Сельская Англия являет собой поистине английский компромисс между природой и искусством.

Англия – остров. Но из этого отнюдь не следует, что об английской жизни больше всего способны рассказать ее порты. Куда более обильную пищу для размышлений дают здесь дороги. Нередко узкие, чаще всего извилистые, но всегда покрытые асфальтом и снабженные безукоризненной системой указателей, английские дороги – не магистральные, а местные – способны оказать неоценимую помощь в познании страны. Человека, свыкшегося с бездушной прямолинейностью современных автострад, поначалу удивляет и даже раздражает, что в Англии вроде бы никто не стремится попасть из одной точки в другую кратчайшим путем. Изгибы здешних дорог будто игнорируют законы не только геометрии, но и логики.

Английские дороги чаще всего бывают рождены не воображением инженеров, а историей страны. Они редко прорезают холмы и перекрывают эстакадами долины. Они петляют, оги-

бая чьи-то давно исчезнувшие владения или соединяя переставшие существовать села. И по ним, как по линиям ладони, можно не только прочесть прошлое страны, но и многое узнать о характере ее народа.

Английские дороги предпочитают не противоборствовать с природой, а следовать ее чертам. Они воплощают скорее терпимость к местным особенностям, чем попытку навязать некое единообразие. Они отражают склонность скорее подправить то, что уже есть, чем создавать что-то заново, скорее найти компромисс со старым, чем отказаться от него ради нового.

Английская дорога похожа на тропинку в английском парке. Она не рассекает естественного узора, который время оставило на лице земли. Она приближает путешественника к тому исконному руслу, по которому в этих местах издавна текла жизнь.

Если бы у меня спросил совета человек, желающий изучать Англию, я бы сказал: «Ходи по дорогам, проселкам и тропинкам, постарайся сначала ощутить эту страну, а потом уже познать ее, избавившись от предрассудков».

К этой стране нет волшебного ключа, она не поддается никакому единому и всеохватывающему объяснению. Но ее можно почувствовать. И я убежден, что ее легче всего почувствовать изнутри – оттуда, где коренятся ее самые ранние, самые подлинные и менее всего видоизмененные черты.

Пьер Мэйо (Франция). Английский образ жизни. 1945

Но куда же подевались люди? Неужели все они остались в Лондоне, Бирмингеме или Оксфорде?

За полдня пути я насчитал из окна вагона больше домов и наверняка больше овец, чем человеческих фигур. Однако при этом все так ухожено, так облагорожено столетиями труда, что незримое присутствие человека создает своеобразное чувство уединенности без одиночества.

Прайс Кольер (США). Англия и англичане – с американской точки зрения. 1912

Англия раскрывает свое лицо не как ярко раскрашенная карта. Ничто четко не обозначено, границы не оттенены. Это земная твердь, но солнце и туман придают ей смутное очарование. Стоит исчезнуть солнечному свету, как все вокруг становится серым, выглядит угрюмым и промозглым. Стоит туману исчезнуть полностью, как земля предстает обнаженной в потоках солнечного света и наступает конец очарованию. Такова, стало быть, и английская душа, где радость и печаль играют, как свет и тени, как солнце и туман. Душа, которая без этой туманно-золотистой дымки полностью лишается очарования, являя нам англичанина со свинцовыми глазами, которого изображают сатирики.

Джон Б. Пристли (Англия). Английский юмор. 1929

Если бы вам вздумалось вскрыть сердце англичанина, вы обнаружили бы в самой середине его клочок подстриженной лужайки. При первой же возможности англичанин любого общественного класса стремится усесться под деревом, или растянуться на траве, или неторопливо и безмолвно шагать под зеленым шатром дубов с сосредоточенным, слегка грустным выражением лица.

Рай англичанина украшен газонами. И по этим газонам разгуливают британские праведники, покуривая свои трубки и держа свои неразлучные зонтики.

Никос Казандзакис (Греция). Англия. 1965

Английский спорт, английское искусство, английское общество – все это уходит своими корнями в исполненную покоя сельскую Англию с ее пологими взгорьями, с ее стадами на зеленых лугах, с ее грудями облаков, с ее переменчивой погодой и освещением. Но вокруг этой сельской Англии всегда бушевало море, не позволяя забыть о себе.

Требовалось сочетание этих двух противоположностей, чтобы сделать Англию тем, что она есть. Земля идиллична, но море требует борьбы и широких горизонтов. Земля сама по себе породила бы нацию земледельцев и землевладельцев, но море, развивая воображение и страсть к приключениям, породило моряков, торговцев, авантюристов, колонизаторов, создателей империи.

Каждый англичанин имеет в себе немного от крестьянина и немного от моряка. Без этой комбинации нельзя понять его характер, в котором практичность и консерватизм первого сочетаются с романтичностью и авантюризмом второго.

Пауль Кохен-Портхайм (Австрия). Англия – неведомый остров. 1930

Взгляд за изгородь

Немец живет в Германии.
Янки живет в Оклахоме.
Испанец живет в Испании.
Но англичанин – дома...

Этот популярный куплет вспомнился мне во время беседы с журналистом-парижанином, которому выпала судьба провести полжизни в Лондоне. Речь у нас шла о том, что понятие патриотизма имеет на каждом из берегов Ла-Манша свои нюансы. Если француз, утверждал мой собеседник, любит свою землю за то, что она полита потом и кровью поколений, за тот труд, который с ней связан, – труд пахаря и труд воина, то англичанин любит свою землю прежде всего как родной дом, как то место, с которым у человека связаны не тяготы повседневного труда, а радости досуга. Образ родины для него – это обнесенный живой изгородью палисадник под окнами, который он охорашивает, радуясь воскресному дню. Именно эту изгородь, а не розу и не античную деву с трезубцем владычицы морей следовало бы считать национальным символом англичан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.